

А. ТАРАСОВ-РОДИОНОВ,

*офицер пулеметного
Кольтовского батальона*

ПЕРВАЯ ОПЕРАЦИЯ

Я был и большевиком и офицером военного времени, и, однако, я меньше всего представлял себе предстоящую пролетарскую революцию как военную операцию. Конечно, я готовился, как и все остальные члены военной организации, к предстоящим боям, но готовился так, как подсказывал это инстинкт революционной целесообразности. Хитростью, обманув генерал-квартирмейстера штаба Петроградского военного округа, я перетащил из Ораниенбаума в Петропавловскую крепость наш пулеметный Кольтовский батальон. Нас пустили с радостью как предстоящих «защитников от большевиков», и нужна была большая внутренняя сознательность наших солдат и комсостава, чтобы преждевременно ни одним намеком не выдать ни наших планов, ни нашей большевистской репутации. Керенский спешно приводил гарнизон крепости в боевое противобольшевистское состояние, наполняя Петропавловку свежими частями. Мы уже встретили там батальон фронтовых самокатчиков, которые с очень большой неохотой были вынуждены потесниться.

— В чем дело? — недоумевающе спрашивал я их комиссара тов. Поппеля. — Ведь и мы пришли сюда тоже против большевиков...

Солдат Поппель тупил свои молодые глаза и враж-

дебно косился на мою серую офицерскую шинель. Я понял его без слов и отвел в сторону:

— Вы большевик? — Он смущенно растерялся. — Почему же ты, чёрт возьми, до сих пор не связался с нашей военной?! Ну, это потом... Сейчас же, немедленно потеснись! И ни кому ни гу-гу. Мы все поголовно большевики...

Нужно было видеть радостно покрасневшее, растерянное лицо Поппеля.

А на следующий день наши ораниенбаумские кольтовцы на мохноногих лошаденках, стуча двуколками, уже наполнили двор Петропавловки и звоном топоров и стуком досок для нар заглушили грустное средневековое треньканье часов башни с летящим ангелом на ее шпиле. Петропавловка была занята.

Перевыборы Питерского Совета прошли в общих секциях. Президиум перевыбран сплошь большевистский. Наша военка, выпущенная к этому времени из «республиканских тюрем» Керенского, день и ночь лихорадочно работала над восстановлением оборванных связей. Она целиком перешла в распоряжение только что создавшегося Военно-революционного комитета, где Скрыпник, Держинский, Лацис, Карахан...

Мы боимся опоздать, так как враг мобилизует свои силы и переходит в наступление. Уже разогнан Калужский Совет. Всем петроградским юнкерам розданы патроны и ручные гранаты. Не сегодня — завтра начнется вооруженный поход на наш Смольный.

Но народные массы грозны в своем затишье. В затишье перед бурей. Корниловский шквал раскрыл глаза даже слепым. Глухо, но сплоченно гудят, как ульи, заводы и казармы. Их шум не доносится на улицу, такую нарядную и пеструю, полную кокоток и биржевых дельцов. Поэтому мне кажется странным думать о плане военной операции революции. Всё «образуется» само собой.

Конечно, военка посылает во все полки и части своих комиссаров от Военно-революционного комитета. Все военно-боевые мероприятия эсеровского правительства по борьбе с народом становятся немедленно известными и тотчас же пресекаются. Керенский видит свое полное бессилье в Петрограде и начинает заигрывать с фронтом.

В воздухе пахнет провокацией. Чего же мы медлим?..

Вечером в одной из аудиторий первого этажа в Смольном в помещении фракции собирается вся соль партии пролетариата в Петербурге. Громадная комната набита битком. Рожки лампочек плавают в сизом тумане табачного дыма. Душно и тесно. И поздно ночью, накричавшись до хрипоты, решаем: не останавливаться перед свержением контрреволюционного Временного правительства.

В Петропавловке вот уже два дня кипит горячая работа. Власть выпала из рук коменданта крепости и безболезненно и мирно. Он сидит у себя на квартире, лишенный права выйти из нее и с перерезанным телефоном. Власть перешла к вновь создавшемуся Революционному гарнизонному крепостному совету из представителей всех частей крепости. Во главе его — наш комиссар крепости Благодеров и комиссар Кронверкского арсенала Тер-Арутюнянц.

В маленькой комнатке комиссариата крепости сутолока круглые сутки. Рабочие организации всего Петрограда наперебой запасаются оружием. Грузовики и ломовики день и ночь вывозят его из арсенала. Особенно много берет Выборгская сторона. Но никто из нас не знает ни дня, ни часа кровавой схватки. Мы думаем только об обороне.

Керенскому удастся заполучить несколько броневиков и батарею Константиновского училища. Он вызывает юнкеров из Гатчины и Петергофа и устраивает маленький парад на Дворцовой площади, стягивая туда всю массу юнкеров. Это плацдарм для развертывания похода на Смольный. Мы узнаем это от наших юнкеров, которые рассказывают об этом подробно и встревоженно. Один передает даже два замка, вытасненных им из пулеметов одного из броневиков. Положение обостряется.

По зову Военно-революционного комитета приходит из Кронштадта «Аврора» и бросает якорь у Николаевского моста.

Правительство издает приказ арестовать и вновь посадить по тюрьмам всех нас, выпущенных на свободу. Мы не ночуем дома и вечером собираемся в Смольном, на третьем этаже, в помещении президиума солдатской секции Совета.

Передается по секрету, что будет сам Ленин, что это он созывает наше военно-оперативное совещание, что

без военного плана предстоящих боев выступать нельзя. И это становится неожиданно ясным и понятным, и даже странно как-то, что эта очевидная подробность не пришла в голову с самого начала именно нам, военным.

В углу комнаты, отделенном шкафами, чтобы не мешать президиуму, тесно сомкнулась семья военки. Каждый сообщает всё, что знает нового о военных шагах правительства; становится несомненным, что через два-три дня в Питер придут к правительству вооруженные силы.

Необходимо предупредить врагов, чтобы они не залили кровью весь Петроград.

Чудновский, еще вчера горячо возражавший против активистов, теперь, убежденный фактами, энергичней всех ратует за свержение правительства. Да ему никто и не возражает. Сегодня строгое революционное единодушие.

Все устали. Клонит ко сну от долгих бессонных ночей. Только часть примостилась на скамейке, за которой спит свалившийся от усталости Садовский. Остальные стоят. Мы разворачиваем план Петербурга с обозначением расположения войсковых частей. Каждый получает свои задания. Зимний дворец должен быть окружен к завтрашнему полдню — 25 октября — цепями наших войск. Дашкевич предлагает — по линии Екатерининского канала, но принимается мое предложение: по Мойке, а от Синего моста — к Неве. Для этого требуется всего лишь три полка и часть гвардейского флотского экипажа. Все остальные части должны оставаться в казармах в полной боевой готовности, начеку. Охрану города несут патрули из рабочих. Полки должны быть представлены Дашкевичем и Чудновским к двенадцати часам дня.

В час дня Петропавловская крепость посылает правительству ультиматум с требованием ухода его в отставку и передачи власти Советам Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов, подписанный Антоновым, Чудновским и, кажется, Благодоровым. Об этом моменте население оповещается пушечным выстрелом с верков крепости и спуском флага с бастионной мачты. В случае молчания или отказа Петропавловка приподнимает флаг до половины и делает четыре выстрела по Зимнему дворцу. В случае дальнейшего упорства бомбардировка

продолжается уже совместно с «Авророй», для чего заблаговременно устанавливается телефонная связь между крепостью и крейсером. Кроме того, возле биржи, против дворца, должны встать миноносцы «Забияка» и, кажется, «Сом».

Я быстро записываю всё это в виде приказа в блокнот и передаю листок Дашкевичу. Пора расходиться по казармам — спать некогда.

На пороге неожиданно сталкиваемся с Лениным. Мы восторженно жмем руки Ильичу. Многие из нас не видели его несколько месяцев, пока сидели в тюрьме. Он быстро знакомится с планом завтрашнего дня и вполне его одобряет. Дальше медлить нельзя. Рабочие и солдаты и так уже ропщут на нашу медлительность. Массы инстинктом чувствуют опасность...

С утра мы уже на ногах. Моя обязанность — нести караул и ответственность за Петропавловку. Жадно слушаем мы вести и шум из города. Всё тихо. И события и слухи текут упорно медленно, вызывая досаду и тоскливый холодок: неужели сорвется? Где же Чудновский, Дашкевич, Антонов? Чего они копаются!! Хочется бросить всё и лететь туда к ним, чтобы ускорить этот идиотски затянувшийся приступ Зимнего. Ведь уже двенадцать часов. Уже час. Уже два. Три... А утешительных сведений всё еще нет.

Петропавловка — средневековая игрушка. У нее нет даже пушек, кроме вестовой, которая палит холостым зарядом, возвещая полдень. Боевым она стрелять не может. На верках стоит еще около десятка старых заржавленных пушек «времен Очаковских и покорения Крыма».

Вечерняя заря уже потухла. Поднимался холодный ветер.

Установленная Поппелем связь из его самокатчиков известила нас о том, что делалось в городе. Чудновский с делегацией с трудом пробрался в Зимний дворец и дважды чуть-чуть не был убит. Временное правительство отказалось сдать и приказало юнкерам открыть огонь по площади, на которую выехали наши броневики с Невского проспекта. В Смольном экстренное заседание Петроградского Совета. Присутствует масса депутатов только что открывающегося II съезда Советов.

Петропавловка кишела, как муравейник. Никто не отдыхал. То и дело въезжали и выезжали броневики.

Приходили отряды рабочих, приводившие взятых в плен и уже обезоруженных юнкеров. Было уже совершенно темно, когда Благодравов открыл оружейную стрельбу, приказав выпустить над Зимним дворцом четыре шрапнели с высоким разрывом. Я вылез на площадку бастиона смотреть в бинокль.

— Ради бога, только не над левым крылом дворца! В левой половине лазарет! — кричал кто-то. Это указание было тотчас же передано наводчикам-матросам, которые наводили без всяких панорамных прицелов, — на глаз.

Вдруг справа, сбоку за стеной крепости, что-то рвануло, ахнуло, осветив темное небо, и тотчас же над темно-красной полосой дворца сверкнуло в высоте гигантской ракетой. Гул выстрела оглушил нас и пронесся раскатами далеко по городу, покрыв своим ревом и тарахтеньем ружейной перестрелки и гуденьем освещенных трамваев, беспечно ползущих вереницами по Троицкому, а иногда и по Дворцовому мосту.

Странная революция. Рабочий Совет свергает буржуазное правительство, а мирная жизнь города ни на минуту не прекращается.

Но вот снова удар. Снова осветилось небо, и еще выше в небе разорвался второй снаряд.

Третий разорвался далеко где-то влево.

А вот и четвертый.

После третьего выстрела всё освещение во дворце и перед ним на набережной внезапно погасло.

Канонада смолкла. Воцарилось какое-то жуткое молчание. Смолкли и пулеметы на другой стороне, только отдельные ружейные выстрелы одиноко нарушали где-то у дворца мирное гуденье трамваев.

— Ага, подействовало!

— Правительство решило сдаться. Ура! — кричит только что примчавшийся самокатчик.

Звенящие в высоте над крепостью пули со стороны дворца взвинчивают наших артиллеристов. «Ах! Тррах! Бум!» — сверкает вдруг справа, и я вижу с бруствера, как снаряд огненным пятном впивается в стену дворца. Летят известка, кирпичи, стёкла. Небо освещается вспышкой выстрела. «А-а-ах!» — протяжно и гулко вторит горизонт. Я бегу к батарее, спотыкаясь впотьмах об окружающие ее кусты.

«Ба-ах!» — оглушает меня второй выстрел.

— Чёрт с ними! Будет! — кричит Благодравов. — Давайте остальные на средний разрыв...

«О-о-о-ах!» — раздаётся неожиданно гулко где-то в стороне.

— Это «Аврора»! — кричит кто-то.

Ночью в Петропавловку привели взятое в плен Временное правительство в запачканных котелках и с поднятыми воротниками шуб. Керенский успел бежать на машине американского посольства.

И когда утром на заре я шел по улицам мимо греющихся у костров патрулей — красногвардейцев, на душе было радостно и легко от первой удавшейся нашей военной операции.

